

Л. П. АЛЕКСАНДРОВ

ПРОШЛОЕ
НЕСКУЧНОГО САДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

МОСКВА
Издание М. и С. Сабашниковых
1923

Л. П. АЛЕКСАНДРОВ.

ПРОШЛОЕ
НЕСКУЧНОГО САДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

МОСКВА
Издание М. и С. Сабашниковых
1923

Тип.-Лит. К. В. Т. г. Дунаева, б. Бр. Менерт. Москва, Советская 9.

Главлит № 6794.

Тираж 2000.

В южной части города Москвы, у Калужской заставы, там где Москва-река делает один из своих изгибов, на правом высоком берегу ее находится один из наиболее крупных и известных садов, так называемый Нескучный сад. Сад этот, представлявший со второй четверти прошлого столетия любимое место для гулянья, с царствования Александра III, когда московским генерал-губернатором был назначен вел. князь Сергей Александрович, устроивший в тамошнем дворце свою летнюю резиденцию, был закрыт для публики, и снова гостеприимно открыл свои ворота только с революционных дней 1917 г.

Нескучный сад существует с 1826 года, но он далеко не сразу явился в том виде и размерах, как мы его знаем теперь. Он составиля постепенно из трех частей. Собственно название Нескучный сад принадлежит приобретенному дворцовым ведомст-

вом в 1826 году имению князя Шаховского, носившему название Нескучного. В 1832 г. было приобретено у графини Орловой Чесменской владение, названное летним Александринским дворцом и садом, а в 1842 г. было приобретено и разделявшее Нескучный сад от Александринского имение князя Голицына и таким образом все эти три части составили одно большое владение, которое и стало известным под общим названием Нескучный сад. Постепенно историческое прошлое Нескучного сада забылось, хронология перепуталась и истину заменила легенда. Мы изложим последовательно, начиная с Воробьевых гор, владения, находившиеся по берегу Москвы-реки и остановимся подробнее на тех из них, которые со временем вошли в состав Нескучного сада.

В современной литературе широкая публика для ознакомления с историей Нескучного сада имеет два источника: „Старая Москва“ М. И. Пыляева, изд. А. С. Суворина СПб. 1891 и „Подмосковные“ Юрия Шамурина, изд. т-ва Образование ч. II. Москва 1914. К сожалению в сочинении Пыляева автор впал в грубые ошибки, пользуясь недостаточно проверенными сведениями, не указывая даже источника заимствования. У Шамурина дело обстоит еще хуже. Снабдив свою статью большим ученым аппаратом, в виде многочисленных ссылок на архивные документы, он только вводит в заблуждение доверчивого читателя. На самом деле в основу своей статьи он положил ошибочные сведения Пыляева и добытые в архиве неполные данные подгонял к своему предвзятому мнению, для чего служили даже неточные цитаты. Мы попытаемся на основании действительных архивных данных и современных литературных источников восстановить историческое прошлое Нескучного сада.

I.

Правый берег Москвы-реки в той части ее, которая делает большую излучину, огибающую местность, занятую Девичьим монастырем, постепенно повышаясь, начиная с Крымского брода, образует высокий, изрытый оврагами берег, переходящий в так называемые Воробьевы горы. Весь этот высокий берег, густо поросший лиственным лесом, с чудным видом на столицу с ее церковными куполами и массой зеленых садов, издавна служил излюбленным местом для барских усадеб. На Воробьевых горах находился дворец, в котором жила Иван Грозный и Борис Годунов; около этого деревянного дворца еще в царствование Елизаветы Петровны была устроена перспективная регулярная роща. Рядом с этим государевым имением находилось сельцо Васильевское, принадлежавшее во второй половине 18 столетия московскому главнокомандующему кн. В. М. Долгорукову Крымскому, где не раз давались для московской знати пышные праздники, которые удостаивала своим посещением Екатерина II. Это имение перешло потом к князьям Юсуповым, а от них к графам Дмитриевым-Мамоновым.

вым, и в 19 столетии было известно москвичам под именем Мамоновской дачи. После смерти последнего представителя гр. Мамоновых дача эта была куплена московским купцом Ноевым, устроившим в ней садовое заведение, а затем была приобретена московским городским общественным управлением и обращена в городской парк. Рядом с Мамоновской дачей находится глубокий овраг, на южной стороне которого находился Андреевский монастырь, основанный в 1648 году и упраздненный в 1765 г.; на месте монастыря были устроены сначала покои для безумных, а в 1775 г. женский работный дом; с 1896 г. там до последнего времени помещалась богадельня московского купеческого общества. На другом берегу оврага за небольшим поселком находилось имение кн. Трубецкой, в первой четверти 19 столетия принадлежавшее отставному прапорщику князю Льву Александровичу Шаховскому. Здесь то и было имение, носившее название Нескучное. Впервые мы встречаем это название в письмах мисс Вельмот из России в Ирландию, писанных ею из Москвы, куда она приезжала гостить к княгине Дашковой. 16 июня 1807 года она пишет: „ . . . всякий вечер мы посещаем одну из прелестных окрестностей Москвы и прогуливаемся в садах и рощах Нескучного, Останкина, Царицына и во многих других очаровательных местностях, которые я не берусь описывать.“¹⁾

---

¹⁾ Русск. Архив 1873 г. кн. 10.

К сожалению нам не удалось найти описания Нескучного до двадцатых годов прошлого столетия, только с этого времени история его опирается на точные документы.

Уже к началу двадцатых годов Нескучное опустело и владелец его кн. Шаховской не жил в нем. 21 августа 1823 года к Московскому обер-полицмейстеру поступило прошение московского мещанина Аверкиева о дозволении ему построить амфитеатр для травли зверей на земле, нанимаемой им у князя Шаховского, что близь Калужской заставы, в чем ему по полицейским соображениям было отказано ¹⁾.

После своего восшествия на престол император Николай I, желая устроить для императрицы летнюю резиденцию в Москве, приобрел от кн. Шаховского принадлежавшее ему владение, которому было присвоено название Нескучный сад; в журналах Экспедиции Кремлевских Строений, которая тогда ведала дворцовым имуществом, от 28 ноября 1826 года под № 3 было записано ²⁾: „заслушано предписание, при котором препровождается в списке отношение г. министра императорского двора о последовавшем высочайшем повелении: Нескучный сад отдать в его ведение, почему он предписывает: упомянутый сад поручить принять под свою роспис-

---

1) Щукинский Сборник т. 7 стр. 67.

2) Журналы Экспедиции Кремлевских строений за 1826 г.

ку присутствующему экспедиции Кремлевских строений тайному советнику Федору Александровичу Ушакову и о приеме ему рапортовать.“

В январе 1828 г.¹⁾ смотритель Коновалов доносит экспедиции, что до сих пор не приступлено к сломке деревянных строений, принадлежащих кн. Шаховскому. Приказали:

„Как на покупку в казну Нескучного сада купчая совершена на имя кн. Шаховского, коему принадлежит и остающееся в оном строение . . . обязать кн. Шаховского строение разобрать“.

В феврале кн. Шаховским было, наконец, приступлено к сломке деревянного здания на границе владения, а в мае было сломано и строение, находящееся у „минерального источника“. Сад был открыт для публики.

Различные сооружения в Нескучном саду, остатки его прежнего величия как барской усадьбы находились уже в значительной степени разрушения. Через глубокий овраг, который дает ложе для большого пруда, был в свое время грандиозный мост на шести устоях, высотой в 5 сажень, был и другой мост несколько поменьше; оба они, равно как и главный дом, довольно большой, одноэтажный с мезонином и большой террасой были в очень ветхом состоянии; большой деревянный мост по ветхости своей был даже закрыт для сообщения, на его месте было предположено уст-

---

¹⁾ Там же 1828 г.

ройство земляной насыпи в виде плотины, но это не осуществилось и была устроена по низу оврага существующая и поныне пешеходная дорожка. Недалеко от пруда, ближе к берегу Москвы-реки был колодец, известный под названием минерального; этот колодец был окружен помостом с деревянным куполом; в 1835 г. он был сломан. Любецкий рассказывает в своем путеводителе,¹⁾ что в Нескучном саду „заведены были минеральные воды; какой-то извертливый спекулятор немец открыл будто бы в одном из тамошних колодцев частицы извести, железа и другие целебные частицы; денег на устройство тамошней лечебницы потрачено было много, но все это оказалось шарлатанством. В тамошние ванны никто не садился, воды не пили, в галлереях не гуляли.“

На высоком крутом берегу оврага над прудом находилась существующая до сего времени каменная беседка в виде двух полуциркулярных частей с куполом и террасой. Беседка эта в 1839 г. ремонтировалась архитектором Тюриным. Время ее постройки неизвестно.²⁾

Блестящей эпохой в жизни Нескучного сада было открытие в нем летнего театра. „Сия мысль, -- пишет редактор Московских Ведомостей князь Шаликов, -- принадлежит г. директору императорских московских театров

---

1) С. М. Любецкий. Окрестности Москвы. Изд. 2. М. 1889, стр. 16.

2) Арх. М. И. Д. Оп. 16. № 29972.

Ф. Ф. Кокошкину, у которого несколько лет тому назад в подмосковной Бедрино на естественном холме с живыми деревьями была представлена прекрасная Озерова трагедия Поликсена. Протекавшая у холма вода покрывалась Греческими кораблями, а по обеим сторонам оно по наклонению белелся многочисленный стан Греческих воинов. Действие на зрителей было необыкновенное. Вот источник летнего театра в Нескучном.¹⁾

Разрешение на устройство театра было дано 17 мая 1830 г. при следующем отношении министра двора к председателю Кремлевской экспедиции.²⁾ „Государь император, разрешив г. директору московских театров устроить в Нескучном саду на избранном им месте летнего театра, высочайше повелевает, дабы по сему случаю отведены были московской театральной дирекции некоторые строения в том саду нужные для ее распоряжения.“³⁾

¹⁾ Моск. Вед. 1839 г. стр. 2519. Деревня Бедрино находится близ ст. Люберцы Моск. Каз. ж. д.

²⁾ Арх. М. Д. Оп. 16 № 29673

³⁾ Шамурин, основываясь на словах Е. П. Яньковой (Благово. Рассказы бабушки стр. 217-218), сообщающей совершенно неверные сведения об образовании Нескучного сада, приписал Нескучное Орлову Чесменскому и желая доказать, что спектакли давались в здании театра, оставшемся от времен Орлова, цитирует этот документ так: „по высочайшему повелению повелено“ архитектору Мироновскому „отвести Московской театральной дирекции . . . строения в Нескучном саду для устройства летнего театра.“— Подмосковные т. II стр. 49.

Здание театра в описи значится так: „Летний деревянный театр непокрытый, длиной на 35 саж., шириной: в переднем на 19, в заднем концах на 21 сажень. Обшит узким тесом, выкрашен белой и дикой краской на клею.“¹⁾

Театр вмещал 1500 зрителей, кроме партера в нем были ложи и галлерейя во втором ярусе над ложами. Кулисами служили природные деревья и кустарники. Спектакли давались два раза в неделю.

Вот как описывает эти спектакли редактор Московских Ведомостей князь Шаликов²⁾:— „Театр открыт 15 июня водевилем Два учителя, дивертисманом Семик и заключился большим фейерверком. Вторым спектаклем, 18 июня была национальная опера наша Мельник, прекрасно разыгранная, с русским дивертисманом и с фейерверком же. В третий раз 22 июня дана комедия Новый Стерн,³⁾ опера Жидовская корчма и дивертисман Колонист . . . . Из репертуара и. м. театра выбираются для сего театра такие пьесы, которые не требуют иных декораций, кроме созданных рукою природы, не везде оживотворяемой и кистью Гонзагов. В особенности русские пляски и русские песни чрезвычайно милы на этой русской сцене. Есть и балеты,

1) Арх. М. Д. Оп. 16 № 29697.

2) Моск. Вед. 1839 г. стр. 2344.

3) Комедия кн. А. А. Шаховского, в которой он выводит Карамзина в пародии, как автора писем русского путешественника.

которые могут украситься ею и танцы наших Терпсихор, наших Зефиров покажутся на ней еще блистательнейшими. Полковая музыка, нередко сменяющая оркестр сего театра, придает новую прелесть прелести сцены. Мы видели дам и в креслах. Должно еще заметить, что в сем театре везде слышно очень хорошо.“ 1 июля, в день рождения императрицы „в русском Колизее не доставало мест для бесчисленной публики, стекавшейся в сад . . . Гуляющие не могли казалось насладиться ни прекрасным вечером, ни пленительным местом. Знаменитая гостья наша, г-жа Зонтаг любовалась им и, стоя на чрезвычайном возвышении пред изгибающейся Москвой-рекой, за которой расстилается прелестная долина с Девичьим монастырем, увенчанная Воробьевыми горами и красующаяся картиною столицы, говорила, что не много видала подобных мест. Сия видевшая почти целую Европу Певица-Актриса отзывалась с непритворным восхищением о нашем Колизее и нашем балете.“ 27 июля шла мелодрама Кернера Невеста разбойника, при чем разбойника играл знаменитый артист Мочалов.

Видимо спектакли в тогдашнем московском обществе имели большой успех. Летописец светской жизни А. Я. Булгаков в своих письмах к брату пишет:¹⁾

„ . . . в Нескучном какие то театры воздуш-

¹⁾ Рус. Арх. 1901 г. № 12 стр. 483.

ные, весь город там бывает. Вчера дирекция собрала ^исказывают, 3000 р.; уверяют, что мысль эту дал князь Петр Михайлович (Волконский, министр двора), ибо летом никто не бывает в театрах в городе. . . . Вчера был я в Нескучном. Множество народу, погода прекрасная, местоположение прелестное, театр этот воздушный очень хорош; сцена обширна, сделана из натуральной зелени и деревьев, один ряд лож, партер, а над ложами раек; битком было набито; давали Бобыля; наконец удалось мне видеть любимую пиесу покойной императрицы Екатерины хорошо писана и в русском духе, а после был балет и пение русское. . . .“

Театральные представления продолжались в Нескучном четыре года, а затем они прекратились, и мода в светском обществе на посещения Нескучного сада прошла. Явился А. А. Башилов, начальник комиссии для построений, оставивший москвичам память о себе в названии улицы идущей по Петровскому парку. Благодаря его энергичной деятельности был устроен и заселен усадьбами московской знати Петровский парк, был также выстроен и Петровский театр, куда были перенесены летние спектакли императорских театров. Здание Нескучного театра было продано¹⁾ купцу Смирнову на слом, и Нескучный сад вернулся в свое первобытное состояние праздничного гуляния демократических

---

1) Арх. М. Д. Оп. 16 № 29799.

слоев населения, чиновничества и учащейся молодежи. Припомним, что здесь с учебником Кайданова и с волнением юного сердца не раз гулял молодой герой повести И. С. Тургенева „Первая любовь.“

Сад пленял главным образом своей природной обстановкой. Современник говорит об нем¹⁾: „сад сей своим местоположением, неправильностью и огромностью деревьев, оставленных расти по назначению природы, походит более на рощу с расчищенными дорожками. Деревья не подстригаются, не образуют ни павильонов, ни аллей, ни боскетов; всюду видна природа в безыскусственном ее образе.“

Гулянья бывали в Нескучном саду по праздникам. Бывали иногда иллюминации, блестящие фейерверки и поднятия на воздушном шаре. В сороковых годах „знаменитый Робертсон в Нескучном саду два раза предпринимал свои воздушные путешествия с аэростатом огромной величины, а неустрашимый Александр, ученик известного Гарнерена, поднявшись на высоту 1200 сажень, с парашютом опустился на землю. . . .“²⁾

---

¹⁾ Москва или исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского М. 1831. ч. 4, стр. 209.

²⁾ Москвитянин. 1844 г. № 9 стр. 165. Н. Горчаков. Панорама или взгляд на Москву с Кремлевской горы.

II.

Рядом с Нескучным садом находилась дача, принадлежавшая княгине Наталье Петровне Голицыной, урожденной Чернышевой, перешедшая после ее смерти к сыну ее Московскому военному генерал-губернатору князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, занимавшая по Калужской улице протяжение в 117 сажен. Эта дача вошла в состав владений дворцового ведомства позже других, а потому мы будем говорить о ней в своем месте. К Голицынской даче примыкало владение обер-провиантмейстера Николая Максимовича Походяшина. Эта фамилия не чужда истории русского просвещения и благотворительности в 18 веке. Родной брат Николая Максимовича премьер-майор Григорий Максимович был очень близким лицом к Новикову. Отец Походяшиных был простым извозчиком, возившим руду на заводах в Сибири; он составил себе миллионное состояние открытием медных рудников. Григорий Максимович все свое огромное состояние, полученное от отца передал Новикову на дела благотворения и сам умер в нищете.¹⁾

¹⁾ Пыляев. Старая Москва стр. 82.

Имение Походяшина в 1786 году было куплено графом Федором Григорьевичем Орловым. К нему примыкало небольшое владение фабриканта Серикова и далее дом Прокофия Акинфиевича Демидова.

Прокофий Акинфиевич был одним из трех братьев, наследовавших своему отцу Акинфию Никитичу Демидову, при котором горнозаводская деятельность Демидовых и богатство их достигло едва ли не высшей степени. Заводы их распространились по всему Уралу и заняли также и богатейший Алтайский округ. Акинфий Демидов умер в 1745 году, оставивши после себя троих сыновей: Прокофия и Григория от первого брака и Никиту от второго. Считая наиболее способным к продолжению горнозаводского дела своего младшего сына, отец оставил ему все заводы, а старшим сыновьям выделил деревни и часть движимого имущества. Не смотря на законность завещания и на ясно выраженную отцовскую волю, старшие братья протестовали. Этот протест встретил поддержку со стороны императрицы Елизаветы, которая уничтожила духовную Акинфия Никитича и приказала его сыновьям, для избежания споров и тяжб, приступить к полюбовному и безобидному разделу его наследства на три равные части, объявляя, как сказано в официальной бумаге: „яко о том их разделе собственною своею персоною рассмотреть намерены“. Споры о разделе велись очень долго и лишь в 1759

году был утвержден отдельный акт, по которому Прокофий получил богатую Невьянскую группу заводов.¹⁾ Не осталась в убытке от этого дележа и императрица Елизавета. В 1747 году последовал именнейшей высочайший указ бригадиру Беэру, начинавшийся словами:

„Ехать тебе на Колывано-Воскресенские заводы умершего действительного статского советника Акинфия Демидова и учинить там следующее: оные Колывано-Воскресенские, Барнаульские, Шульбинские и прочие на Иртыше и Оби реках между оными. . . взять на нас “²⁾

Заводы Алтайского округа были куплены за недорогую цену и этими землями было положено основание Алтайским кабинетским землям.

Любя горнозаводское дело, отец не без основания передавал его сыну Никите: ни у Прокофия, ни у Григория заводское дело не удержалось, и их заводы перешли в другие руки. Прокофий со временем ликвидировал все заводское дело, продавши свои заводы Савве Яковлеву, и оставшись при своих капиталах, посвящал свои досуги другим занятиям.

Основавшись прочно в Москве после смерти отца, он начал строить себе на берегу

---

¹⁾ Т. Толычева, Предания о Демидовских Заводах. Рус. Арх. 1878 г. кн. 2.

²⁾ Азиатская Россия. Изд. Переселенческого Управления Г. У. З. и З. СПб. 1914 Т. I стр. 407.

Москвы-реки большой дом с грандиозным садом. Любовь к растениям была развита у него в высокой степени. Он не только сам любил растения, но старался приохотить к этому и своих детей. В письме от 6 марта 1764 г. на завод к детям своим Акакию и Льву, после обстоятельных деловых распоряжений, он делает следующую приписку: „Да при сем посылаю семячек три сорта—гераниум, африкана, да ирис куриозный; буде вы хотите, так посейте и содержите в ранжереях: понеже оные цветы хороши и куриозны, а между тем и вы можете охотиться, потому что у меня к тому охота, да и собрано много плантов, которое для вашего же увеселения служить может“.¹⁾

Начавши с фруктового сада и цветников, он так пристрастился к собиранию растений и стал настолько серьезным коллекционером русской и всемирной флоры, что его сад сделался первым ботаническим садом в России, который по богатству своих коллекций не уступал лучшим садам в Европе. Знаменитый академик Паллас, посетивший его сад в 1781 году, оставил подробное описание этого сада и перечень растений как дико растущих, так и разводимых на грядках и в оранжереях и своим описанием положил первое основание изучению московской флоры.²⁾ Вот как ака-

---

¹⁾ Рус. Арх. 1873 г. т. 2 стр. 2233.

²⁾ Каталог растениям находящимся в Москве в саду его превосходительства действительного

демик Паллас описывает устройство этого сада: „Сад сей заведен вместе с преогромным домом около 1756 года. Берег реки был тогда совсем неудобен для заведения сада; но 700 человек через целые два года работали над разравниванием холма, над берегом находившегося, снося землю с одного к берегу, дабы сад получил правильную фигуру амфитеатра, какую он ныне имеет. После чего владелец сего сада определил его сперва для плодов, а наконец для одной ботаники, и построил в нем множество каменных оранжерей. Сей сад идет от двора к Москве-реке уступами, разной ширины и высоты, но длиною везде в 95 сажень; самая верхняя площадка отделяется от двора прекрасною железною решеткою, имеет около десяти сажень в ширину. С правой стороны находятся гряды для луковиц и как бы зверинец для кроликов, кои здесь и зиму сносят на открытом воздухе; а с левой стены каменные, к полудню обращенные, для защищения плодовых нежных деревьев от непогоды и парник для ананасов. С сего уступа ведет сход, состоящий из 17 ступеней, железными плитами, так как и во всем саду выложенных, ко второй площадке

статского советника и императорского воспитательного дома знаменитого благодетеля Прокопия Акинфиевича Демидова, сочиненный П. С. Палласом академиком Санктпетербургским. В Санктпетербурге печатано при императорской академии наук 1781.

сада, имеющей в ширину более 10 сажень . . .
. . . Второй сход отсюда ведет к третьей площадке сада пространнейшей, нежели первые две, коей противоположную сторону занимают две оранжереи, шириной с весь сад . . . За сею следует четвертая площадка во всем предыдущим подобная и с обеих сторон оной находятся зимние оранжереи. Наконец следует пятая площадка сада самая пространнейшая и простирающаяся до самого берега Москвы-реки и составляет отчасти нижнюю самую площадь саду, оранжереями замыкающуюся, на ней находится также большой пруд и птичник деревьями обсаженный. . .“
Общее заключение Палласа о саде Демидова было таково: „сад сей не только не имеет себе подобного во всей России, но и со многими в других государствах славными ботаническими садами сравнен быть может как редкостью, так и множеством содержащихся в оном растений“, и он высказывает пожелание, „чтобы сей толиким иждивением заведенный сад пребыл вечно в своем совершенстве и красоте, в память сего знаменитого любителя ботаники и послужил бы к распространению ботаники в Российской империи.“

Но не только своими домашними делами и ботаническим садом занимался Прокофий Демидов; членом Московского Опекунского Совета Умским он был привлечен к постройке Воспитательного Дома, за что и взялся со всей свойственной ему энергией. Кроме

очень крупных денежных пожертвований, он принимал непосредственное, самое деятельное участие в самом деле постройки, входя во все мелочи строительного хозяйства. Благодаря этому он близко сошелся с И. И. Бецким и эти близкие отношения еще укрепились, когда младшая дочь Демидова вышла замуж за секретаря Бецкого Марка Ивановича Хозикова, интересные письма Демидова к которому дают богатый материал для характеристики Прокофия Демидова. Кроме пожертвований на Воспитательный Дом и связанные с ним учреждения, Демидов не мало пожертвовал и в Московский Университет. В сороковых годах существовало предание, что когда Екатерина приказала архитектору Казакову составить план для построения нынешнего Университета, то Демидов изъявил желание построить его своим иждивением на Воробьевых горах, и назначил для этого 1.500.000 руб., но соизволения императрицы на это не последовало.¹⁾

В 1779 году Демидов прислал при письме на имя Шувалова 10.000 руб. для Москов. Универс., а в июне после акта внес еще столько же.²⁾ Вот как он в письме к зятю пишет об этом:

„Вчера был в Университете при собрании главного куратора, где от господ профессоров была благодарственная речь к дражайшей

---

1) Москвитянин 1844 г. № 9 стр. 165.

2) Шевырев. Истор. И. М. У. М1855г. стр. 113-114.

и премудрой Екатерине на восшествие на престол. А после была и мне речь от молодого студента, и прилагаю. После экзаменовали студентов и по их наукам производили и дарили. Было собрание господ и духовенства. В 7-м часу разъехались. Можно сказать, хоша на курячьих лапках куратор основал, да слава богу хорошо. Жаль, что тесно. Благородное общество для ученья отдают детей, и в тесноте обучаются. И тех ради нуждов я купил домишко за 10 тысячи сегодня отослал.¹⁾

На проценты с пожертвованного капитала под названием Демидовский пансион содержались шестеро студентов для приготовления не только в учителя, но и в профессора. Из студентов первого приема профессорами были Аршеневский и Гаврилов.²⁾

Университет очень интересовал Демидова. Когда в следующем году Демидов заметил со стороны императрицы какое-то недовольство им, он пишет к дочери Бецкого Н. И. Рибас:

„Да, моя матушка, не можешь ли приметить, чем я прогневал государыню?... Уж не за то ли, что я в работе при Воспитательном доме? Она учредила, а таперя бросила; так то и я хочу, окончив корделож бросить; да пойду в Университет.“³⁾⁴⁾

Прокофий Демидов был известен как большой чудака и даже самодур; его чудаке-

---

1) Рус. Арх. 1873. т. 2, стр. 2259.

2) Шевырев, там же.

3) Рус. Арх. там же стр. 2272.

4) После смерти Демидова семья его пожертвовала в Университет собранный им гербарий и часть его библиотеки. Все это погибло во время пожара 1812 года.

ства породили ему много врагов и главным образом среди чиновничества и знати, с которыми Демидов обращался не с должным почтением и держался весьма независимо. Благодаря своему богатству он для многих был нужным человеком. Деньгами он ссужал самых высокопоставленных лиц, но вместо всяких процентов и барышей отводил душу в издевательствах. Наиболее любопытный эпизод произошел с императрицей Екатериной, которой надо было достать во что бы то ни стало четыре миллиона на ведение первой турецкой войны, которые немедленно требовал Румянцев, а хотя голландский заем и был обеспечен, но денег очень скоро получить было нельзя. „Императрица поручает гр. Федору Орлову спросить у Демидова, нельзя ли перехватить у него миллиона четыре рублей. Призывает конторщика. Тот говорит, что в кассе всего только два с половиной миллиона. Велит сходить к Володимирову и у него взять полтора миллиона, так и будет четыре, продолжал Демидов, только не для императрицы. Такой у меня искони бе, видишь, норов: ни гроша тому, кто может посечь меня. Ты, Федор Григорьевич, пожалуй возьми себе на перехват четыре миллиона рублей и без процентов, только смотри, назначь сам себе день, час и минуту, когда воротишь мне деньги, а до того, для проверки, твои часы у меня, мои у тебя останутся. Не воротишь денег в тот день, час и минуту,

как сам назначишь, деньги твои, я уже не возьму их; за то созову к себе своих, а ты приведешь ко мне своих приятелей и я при всех их дам тебе три оплеухи за то, что слова не удержишь. Не хочешь так: бог с тобою. Граф не тотчас согласился на условие, и то по убеждению императрицы. Назначили достаточный срок; деньги ранее пришли из Голландии; но Демидов не принял своих до заповедной минуты.¹⁾

С Опекунским Советом он тоже не церемонился, посылая ему такие бумаги, от которых члены его становились втупик. Когда какая то важная бумага была задержана секретарем, он прямо пишет в Совет: „видно ваш дурак негодница секретарь эдакие пакости делает . . . и более кладу вину на вашего дурака секретаря, пожалуйста постарайтесь о порядочном секретаре. Как таки в московском царстве за хорошее жалование человека сыскать невозможно, а ежели вам оное трудно, дозвольте я поищу.“²⁾ Другой раз как то он в своем доме на Калужской вместе с своим соседом Сериковым, камер-лакеем Сахаровым и еще каким то греком, будучи сильно навеселе, оскорбили действием юстиц-коллегии секретаря Скорнякова, не во время пришедшего за какой то справкой. Возникло дело об оскорблении должностного лица, на кото-

---

¹⁾ Воспоминания Ф. П. Лубяновскаго (1777—1834) М. 1872 стр. 67.

²⁾ Вестник Европы 1874 г. кн. 2 стр. 286.

рое серьезно посмотрела Екатерина, так как тут был замешан и дворцовый служащий. Началась судебная волокита и только Бецкому, очень дорожившему Демидовым, удалось спасти его, приготовивши для императрицы пространную записку, заканчивавшуюся просьбой об отставке, в случае если ходатайство его не будет уважено. В результате этого ходатайства последовал

Указ нашему сенату

По причине многого добра, учиненного Прокофием Демидовым сиропитательному дому, дело его в битье юстиц коллегии секретаря повелеваем предать забвению . . . ¹⁾

Пока велось это дело, Демидов был им очень удручен и между прочим послал в Опекунский Совет такую бумагу:

В высокопочтеннейший опекунский совет от колодника государственной юстиц-коллегии Демидова

Покорнейшее известие

От его превосходительства главного попечителя И. И. Бецкого получил сего января корделож планы и письмо на мое требование . . . которые при сем представляю

Доброжелатель Прокофий Демидов. ²⁾

Демидов был сыном своего века, когда чуждачество и самодурство было широко распространено между людьми тем или иным образом власть имущими, не исключая и коронованных особ. Совершенно несправедливо

---

¹⁾ Рус. Арх. 1866 г. стр. 68.

²⁾ Щукинский Сборник т. III.

однако видеть в Демидове только самодура и чудака. Его общественная деятельность и значение еще ожидают своего историка, который, отвлекшись от анекдотической части, представил бы справедливую оценку деятельности этого во всяком случае далеко незаурядного человека.

III.

Демидов умер на 76 году жизни 1 ноября 1786 года. После его смерти дом его, а также и соседнее владение Серикова были куплены женой генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского, Еленой Никитичной, урожденной Трубецкой. По смерти кн. А. А. Вяземского в 1793 году это владение перешло в руки графа Федора Григорьевича Орлова, уже за 7 лет до этого купившего себе соседнее имение Походяшина. Граф Федор Орлов, умерший в 1796 году, оставил все свое владение на Калужской улице по завещанию своей малолетней племяннице дочери графа Алексея Григорьевича Орлова Чесменского, Анне Алексеевне, родившейся в 1785 году, и таким образом фактическим владельцем этого имения сделался А. Г. Орлов Чесменский.

Чесменский герой, возвратившись в Петербург увенчанным лаврами Чесменской победы, почувял перемену курса в настроении императрицы в виду новой восходящей звезды Потемкина, вышел в отставку и переселился в Москву, присоединившись к другим, потерявшим прежнее значение, магнатам.

Мисс Вельмот, посетившая Москву в 1806 году в своих письмах в Ирландию так характеризует этих отставных магнатов: „Москва— это государственные политические Елисейские поля России. Все те, кто был в силе при Екатерине и Павле, и все те, кто ныне не в милости или считаются обойденными Александром, пользуются здесь, в этом ленивом, изнеженном, великолепном Азиатском городе, каким-то призрачным значением, основанном на одном лишь учтивом внимании: потому что все действительное внимание уже давно перешло в виде наследства к их преемникам, которые согреваются лучами ныне царствующего двора и управляют империей из Петербурга . . . Граф Алексей Орлов, бывший генерал-адмирал времен Екатерины, своим богатством превосходит всех владык образованного мира и утопает среди чисто азиатской роскоши . . . он тоже в числе наших московских призраков.“¹⁾

Переехавши в Москву, граф Орлов Чесменский поселился в своем доме на Калужской улице. Дом был деревянный, довольно невзрачный и помещался в начале Калужской улицы на том месте, где в 1831 году была выстроена I Градская больница. Екатерина II в последний приезд в Москву посетила гр. Орлова Чесменского и сказала: „долго ли тебе жить в таком доме?“ Хозяин отвечал: „Изволишь знать, матушка, русскую посло-

¹⁾ Рус. Арх. 1873 г. кн. 10.

вицу — не красна изба углами, красна пирогами; у меня же их много по твоей милости.“¹⁾ Состояние Орлова было действительно колоссально. Кроме прямых денежных выдач и ценных подарков, Орлову были пожалованы громадные земельные владения, которые, принимая во внимание, что он был по тому времени хорошим хозяином, как это видно из его писем к управляющим, приносили ему большой доход.

С Прокофием Демидовым они были в хороших добрососедских отношениях. В письме к зятю Демидов пишет от 6 янв. 1780 г.²⁾

„Как то бог благословит вперед, мой сосед граф Алексей Григорьевич подарил мне шесть лошадей, на которых я и погуливаю. Особливо ребятишки жадно глядят и дивуются лошадам. Они ростом немного больше аршина, и бегают резво . . . А после глядели в манеже Алексея Григорьевича Аглинских скакунов. Куда много и граждан стекаются. Спасибо Алексею, проворен и догадлив, а паче всего, что имеет ко всякому ласковую благоприятность. И так здесь его любят.“

Демидов не раболепствовал перед Алексеем Орловым; видя какой-нибудь несправедливый поступок его, он глубоко скорбел, искренно любя Алексея Орлова. Тому же зятю он писал перед тем по поводу тяжбы Орлова с Князевым, представлявшейся Деми-

---

¹⁾ Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карбаповым. Рус. Стар. 1872 г. стр. 767 № 143.

²⁾ Рус. Арх. т. 2 стр. 2264.

дову насилием: ¹⁾

„Чудо, мой государь. Сколько я любил Алексея Григорьевича, а теперича дух мой колеблется. А может, я обманываюсь; только без вымысла, а так натурально. Бог изволил. В моих примечаниях, хотя кто не знаком да справедлив, так делается какая то любовь и почтение; а за лукавство как то отменяется.“

Повидимому после того как гр. Федором Орловым был приобретен после смерти кн. Вяземского дом Демидова, Алексей Орлов переселился туда со своей дочерью. Мы имеем указание, ²⁾ что в июле 1796 года, Алексей Орлов давал в доме бывшем Демидова большой праздник с народным гуляньем и катаньем по Москве-реке в день рождения вел. князя Николая Павловича.

Смерть Екатерины II, восшествие на престол Павла и унижительная роль, которую пришлось играть Орлову при перенесении гроба Петра III, заставили его покинуть Россию и поселиться со своей дочерью в Дрездене, где он и прожил все время царствования Павла. Тотчас по восшествии на престол Александра Павловича, племянница Орлова, бывшая замужем за графом Паниным, стала хлопотать перед мужем о разрешении Орлову вернуться в Россию. 12 марта 1801 г. умер Павел, а уже 22 марта гр. Н. П. Панин пишет своей жене в Москву: ³⁾ „Наше желание относительно твоего дяди исполнено, как

¹⁾ Рус. Арх. т. 2 стр. 2258.

²⁾ Москвитянин 1844 г. № 9, стр. 165.

³⁾ Рус. Арх. 1874 г. т. 2 стр. 721.

увидишь из прилагаемого при сем письма моего к батюшке. Нынче вечером я отправил фельд-егеря в Дрезден, и думаю, что ты будешь иметь удовольствие увидеть опять своего дядю раньше даже нашего свидания.“

Переехавши уже на постоянное жительство в Москву, граф Орлов Чесменский живет то в своем подмосковном селе Острове (недалеко от Николе-Угрешского монастыря), то в московском доме дочери. Семь лет прожил он в этом доме и в это время им устраивались на Калужском поле, расположенном по левую сторону Калужской улицы, бега и скачки, на которые съезжалось много народа из города.

С. П. Жихарев в своих Записках упоминает об этих зрелищах. 12 февраля 1805 г. он пишет: ¹⁾ „ . . . из больницы (Голицынской) заехали мы по соседству на бег гр. А. Г. Орлова. Герой Чесменский в бархатной малиновой шубе, сам несколько раз принимался ездить на любимых рысаках своих Любезном и Катке. Охотников было много, и все щеголяли друг перед другом, кто на рысаках, кто на иноходцах.“

Год спустя Жихарев пишет о бале бывшем у Орлова: „ . . . Бал огромный, но совсем не такой великолепный, как того ожидали. Все запросто, точно большой семейный вечер. Дом старинный: пропасть картин, статуй, японских ваз и бог знает, чего чего нет; но

---

¹⁾ Жихарев С. П. Записки Изд. Рус. Арх. М. 1891.

все как-то не на виду.“ Обратим внимание на слова Жихарева дом старинный, этим решительно опровергается очень распространенное мнение, что нынешний Александрийский дворец выстроен Орловым Чесменским. Подробнее мы будем говорить об этом ниже.

Алексей Григорьевич Орлов Чесменский умер в 1808 году, и единственной наследницей его колоссального состояния осталась его дочь Анна Алексеевна 23 лет. По словам ее биографа Елагина¹⁾ „доставшееся гр. А. А. после родителей имение приносило ежегодно до миллиона руб. асс., а стоило по отзывам известных лиц до 40 миллионов асс.“ Смерть отца, который безумно любил ее, произвела на нее чрезвычайно сильное впечатление. Когда же она узнала о роли, которую отец играл при низложении Петра III, она решила замаливать грех отца и отказаться от мирской жизни. Очень религиозная еще с раннего детства под влиянием своей очень религиозной матери, Анна Алексеевна постепенно все более и более поддавала под влияние черного духовенства, сначала гробового иеромонаха Амфилохия в Ростове, а потом знаменитого Фотия, и постепенно все свое крупное состояние передала на устройство и украшение церквей и монастырей. „Однако, как говорит Елагин, А. А. не прекратила своих отношений к обществу и несла все

---

¹⁾ Елагин. Жизнь гр. А. А. Орловой Чесменской СПб. 1853. стр. 130.

обязанности, наложенные на нее высоким ее званием.“ Она была фрейлиной императрицы. Было много покушений со стороны аристократической молодежи на богатую невесту, но неудачно. Графиня чувствовала, что домогаются главным образом ее богатства. Обнаружности ее существуют довольно противоречивые указания. Графиня А. Д. Блудова по поводу сватовства к графине Орловой графа Н. М. Каменского пишет в своих воспоминаниях: ¹⁾ „... мать его в Москве выбрала ему знатную, богатую невесту, добрую, с нежным сердцем, с пламенным воображением, но необыкновенно дурную собой, графиню Анну Алексеевну Орлову Чесменскую“, а Е. П. Янькова, близко ее знавшая, говорит: ²⁾ „графине было лет 30 с небольшим, она была моложава и, не будучи красавицей, имела самое привлекательное и приветливое лицо, что лучше всякой красоты. Держала она себя очень просто и без всякого чванства“.

В своем доме на Калужской улице графиня не раз давала блистательные балы по поводу официальных торжеств. „... в августе месяце 1816 года графиня Орлова Чесменская в доме Александринском, когда он принадлежал ей, давала блистательный бал, удостоенный посещением императора Александра, прибывшего в Москву в первый раз

¹⁾ Воспоминания гр. А. Д. Блудовой. Рус. Арх. 1889 г. т. I стр. 90.

²⁾ Д. Благово. Рассказ бабушки. СПб. 1885 г. стр. 295.

после незабвенного 1812 года.“¹⁾ Местность за Калужскими воротами уцелела от пожара Москвы. Петр Илларионович Страхов, родной племянник профессора физики Моск. Университета П. И. Страхова, который был врачом графа А. Г. Орлова и пользовался его дружбой, в своей статье посвященной Орлову Чесменскому пишет: „Дома графа сохранились в целости от неприятельского разорения в 1812 году; старый дом, где всегда покойный жил и благодетельствовал гражданам Москвы, уступил место свое Городской больнице, другой, новый дом, сделался царским дворцом.“²⁾

В 1820 году Анна Алексеевна переехала в Петербург. В Москве, конечно, очень интересовались ею и в письмах А. Я. Булгакова мы находим отражение слухов о ней. В 1823 году он пишет:³⁾

„Большая новость московская это что графиня Орлова продала славное свое имение Битюгское с еще славнейшим конским заводом. Купили Демидовы, Павел и Анатолий⁴⁾ за 5 миллионов и 300 тысяч рублей... Теперь толкуют, зачем продала. Затем, говорят иные, чтобы не досталось Паниным; а другие, чтобы Фотию все отдать... У графини такая страсть к лошадям, что по этому должно заключить,

---

1) Москвитянин 1844 г. № 9 стр. 165.

2) Моск. Вед. 1854 г. № 153 23 дек.

3) Рус. Арх. 1902 г. № 2 стр. 270.

4) Внуки Никиты Акинфиевича Демидова.

что она точно покинуть хочет все мирское.“
„... об Орловой я давно слышал, что она окружена монахами и намерена свет оставить... Много и выдумывают на свете, а особенно насчет богачей.“¹⁾

В том же году он пишет еще:²⁾

„... Алексей Орлов здесь, но я не видал его. Он поехал в Ростов, где находится графиня Орлова, которая внезапно поехала туда по случаю болезни знаменитого Амфилохия, который считается за святого и состоит духовником графини. Она, кажется, хочет отстать от света, распустила свою капеллу, состоявшую человек из 60, всем дала свободу. Видно праздников давать не намерена более, да и на балы ездить не хочет уже. Не была на бале и во время государя.“

Однако еще блестящий бал она дала. Это было во время коронации Николая I. В ее так наз. Майском доме на Калужской в дни коронационных торжеств останавливался прусский принц Карл, там же был дан графиней грандиозный бал, заставивший говорить о себе московское общество. Муханов по поводу коронационных балов пишет в одном письме:³⁾ „... праздник Юсупова превзошел все прочие приятностью, а великолепием равняется с балом графини Орловой.“

---

1) Рус. Арх. 1903 г. № 4 стр. 477.

2) Рус. Арх. 1901 г. № 4 стр. 585.

3) Щукинский Сборник ч. 7. Из писем Муханова стр. 77.

А. Я. Булгаков пишет брату: „ . . . говорят, что Фотий велел графине Орловой продать все, что осталось после бала ее, а деньги отдать в монастыри и церкви, чтобы выкупить грех свой.“

Действительно графиня все более и более подпадала под влияние Фотия, тот же был совершенно неистощим в своих требованиях. Постепенно закладывались и продавались имения, а полученные деньги шли на монастыри и церкви. Наконец, дошел черед и до Майского дома, который было предложено купить государю.

VI.

Покупка дома графини Орловой состоялась в 1832 году. С этой целью московской дворцовой конторой была составлена комиссия из архитекторов Мироновского, Таманского и Тюрина для оценки покупаемого владения. Комиссия оценила стоимость всех строений в 945.686 руб. 50 коп. асс. Принимая во внимание, что большинство зданий, кроме манежа, было довольно ветхо и потребовало бы капитального ремонта, сумма эта уменьшалась до 538.342 руб. 30 коп. Дворцовая контора, принимая эту сумму, а также считая стоимость внутреннего убранства, как то мебель, бронза и проч. за 86.593 руб. 34 коп., содержимое оранжерей за 13.899 руб. 50 коп. и стоимость земли по городской оценке в 63.678 руб., получала общую сумму в 702.513 руб. 14 коп. асс., а так как дом графини оценен был городской думой в 350.000 руб., то полагала, что за все владение по существующим ценам было бы вполне достаточно заплатить 500.000 руб. асс. В ответ на эти соображения дворцовой конторой была получена следующая копия с высочайшего рескрипта на имя министра двора кн. П. М. Волконского.

Князь Петр Михайлович.

Изъявив согласие мое на покупку дома графини Орловой Чесменской, находящегося в городе Москве Серпуховской части в 5 квартале именуемого Майским, состоящего собственно из двух соединенных домов: Демидовского под номером 660 и Сериковского под номером 661 со всеми принадлежащими к оным землями, строениями, садами, оранжереями и при оных заведениях и с имуществом в описи значущимся, за один миллион пятьсот тысяч рублей, повелеваю Вам:

1. Дом сей купить за счет кабинета.
2. Должные графиней Орловой Чесменской государственному заемному банку один миллион рублей по займу произведенному в 1831 и 1832 годах с залогом имения в 5 тысяч душ, состоящего Симбирской губернии в уездах Сенгилеевском и Самарском перевести к платежу на кабинет с возвращением графине Орловой Чесменской уплоченных банку по сим займам в премию 15 тысяч рублей.
3. Остальные за сим переводом деньги выдать графине Орловой Чесменской в следующие сроки: 250.000 руб. тотчас при совершении купчей крепости и 250.000 руб. с уплоченными ею заемному банку 15.000 руб. через год по уплате первой суммы.
4. Расходы установленные на пошлину и бумагу при совершении купчей принять на счет кабинета.
5. Покупаемому дому именоваться Александринским летним дворцом, поручив оный в заведывание московской дворцовой конторы.

На подлинном собственною его
величества рукою написано:

Николай.

В С. Петербурге 26 мая 1832 г.

Почему была заплочена такая крупная сумма, значительно превышающая действительную стоимость, мы сведений не имеем. Нельзя ли видеть какого нибудь отношения к этой щедрой уплате в следующем воспоминании о гр. Орловой в рассказах бабушки Яньковой: ¹⁾ „ . . . графиня одета была, конечно, хорошо, но почти по старушечьи: темное бархатное платье с прекрасным кружевом и длинная нить крупного жемчугу, в несколько раз обвитая вокруг шеи, спускалась до пояса. Такого жемчугу я и не видывала: каждая жемчужина была величиной как две самые крупные горошины, положенные одна возле другой, то есть продолговатые и удивительного блеска. Сказывали мне тогда, во сколько ценили эту нить, но наверно не могу сказать, а кажется, как будто бы в 600 тысяч асс.

Примечание.

Вероятно про эту нить изволила говорить блаженные памяти императрица Александра Федоровна: *Je n'ai pas de perles telles que la comtesse Orloff*. Кажется, что впоследствии графиня просила государыню императрицу принять эту чудную нить, что, в утешение графине, по неотступной ее просьбе, императрица и изволила сделать. (Со слов одной приятельницы графини Орловой)“.

Сообщения этого нельзя принимать безус-

---

¹⁾ Д. Благова. Рассказы бабушки. СПб. 1885. Изд. Суворина. стр. 295.

ловно на веру, так как нередко передаются ходящие по городу слухи и весьма часто не достоверные, но в данном случае чтонибудь подобное могло быть; слишком велико несоответствие оценочной суммы с уплоченной. Возможно, что здесь уплачивался как бы долг государыни, тем более, что и дом покупался для нее. Купчая крепость была совершена 30 июля 1832 года. Приведем первую часть этой купчей, в которой излагается история владения.

„Лета 1832 июля в 30 день ее императорского величества камер-фрейлина Анна Алексеева дочь Орлова Чесменская продала я его императорскому величеству всемилоостивейшему государю Николаю Павловичу в вечное и потомственное владение собственный свой каменный дом, доставшийся мне по духовному завещанию от генерал-аншефа и кавалера графа Федора Григорьевича Орлова, засвидетельствованному 1796 года июня 18 дня в Московском Уездном Суде. Ему ж графу Федору Григорьевичу доставшийся по двум купчим крепостям, совершенным в московской гражданской палате, первая: 1786 г. октября в седьмой день, от оберпровиант-мейстера Николая Максимова сына Погодяшина и вторая: 1793 г. апреля в 19 день от супруги действительного тайного советника и кавалера князя Александра Алексеевича Вяземского, княгини Елены Никитичны Вяземской, состоящий в городе Москве за

Калужскими воротами в приходе церкви положения ризы господней, Серпуховской части, в пятом квартале, именуемый Майским, соединенный из двух домов: Демидовского под № 660 и Сериковского под № 661 со всеми принадлежащими землями, строениями, садами, оранжереями и при оных всеми заведениями и со всем имуществом в описи значущимся в межах домов: с Калужской улицы войдя под названием в Демидовский двор по правую сторону дом коммерции советника Титова, а по левую княгини Голицыной, в заднем же конце Москва-река. Мерою под оным домом земли состоит как в тех купчих значится, что явится на специальном плане и межевой книге, данной от межевой канцелярии, из пустопорожней земли господину Нащекину части, а остальное затем количество все без остатка, ценою государственными ассигнациями за один миллион пятьсот тысяч рублей „ . . . следуют условия уплаты, как в рескрипте. ¹⁾

---

¹⁾ Арх. М. Д. Сп. 16 № 29712.

V.

С поступлением нового владения в ведение дворцовой конторы в заседании ее было заслушано и принято к сведению 3 сентября заявление: ¹⁾ „что по многим занятиям г. директора чертежной архитектора Мироновского по строительной части в Кремле, он поручает летний Александринский дворец иметь в заведывании имеющему присмотр за загородными строениями г. архитектору Тюрину, равно и Нескучный сад.“

По словам Шамурина „С приобретением Нескучного в казну начались обширные перестройки, руководимые архитекторами Мироновским и Тюриным.“ „Особенно пострадал дворец и окружающая его местность: здесь сильно сказалось падение художественного вкуса, отметившее эпоху Николая I.“ „Теперьшний Александринский ²⁾ дворец явился в результате перестроек Орловского дома. В формах дворца сказалось падение вкуса.“ „Над пере-

---

¹⁾ Журн. зас. моск. дворц. конт. 1832 г. лист 821.

²⁾ Совершенно недопустимая небрежность г. Шамурина, пользовавшегося официальными документами, называть всюду со слов Пыляева и Рассказов бабушки Благово Александринский дворец Александринским.

стройкой дворца трудились и Мироновский и Тюрин.“ „Мироновский не был крупным художником и неудачная постройка Александринского дворца ничего не прибавляет и не убавляет от его славы. В ином совершенно положении находится Е. Тюрин.“ „В Нескучном есть несколько отличных произведений Тюринна, вполне поддерживающих его репутацию, созданную доселе одной лишь университетской церковью. Тем досаднее неудача с Александринским дворцом. В ней, однако, более ответственен Тюрин, чем Мироновский. Так в 1836 году по его рисунку устроены во втором этаже, вверху полуциркульных (боковых) порталов Александринского дворца, два чугунных портала.“ Следует ссылка на дело № 29818. ¹⁾

Все эти утверждения не только голословны, но даже вполне противоречат тем данным, которые мог иметь Шамурин в делах Архива, если бы он только действительно пользовался ими. Мироновский, как мы видели выше, устранился от ремонта Александринского дворца, передавши заведывание им Тюрину. Приведем выдержку из дела за № 29818 для характеристики отношения Шамурина к источникам, на которые он ссылается. Это дело с приложением сметы на сделание чугунных решеток, арок и полов для двух балконов Александринского летнего дворца содержит в себе рапорт Тюринна такого содержания:

---

¹⁾ Подмосковные ч. II стр. 50-51.

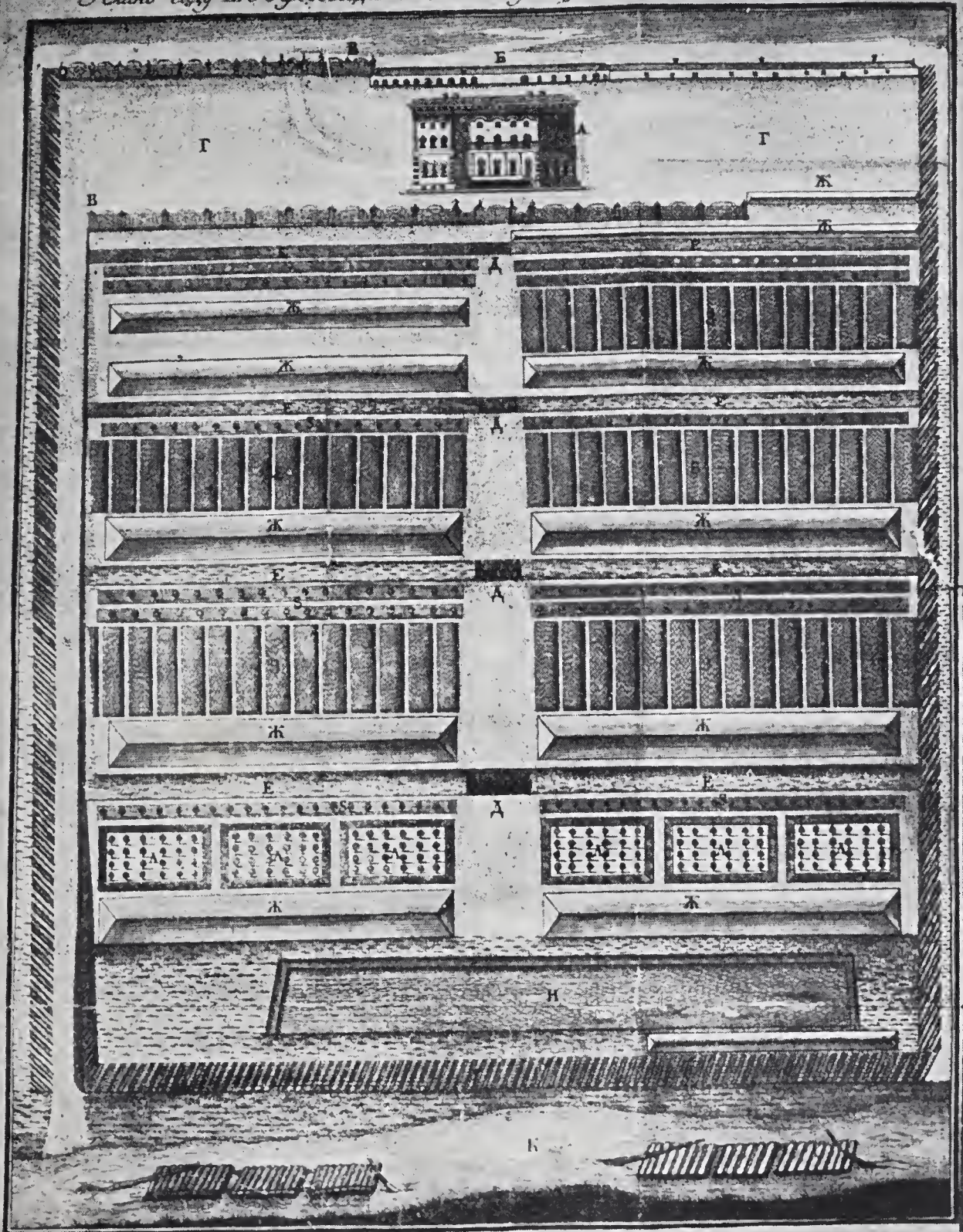
Вследствие словесного приказанія Г. советника оной конторы барона Боде, должен я был составить чертежи и сметы на сделаніе балконов: деревяннаго и чугуннаго внизу полуциркульных порталов при летнем Александринском дворце; находя совершенно не прочным сделаніе полуциркульных балконов из дерева, я вынужден был сделать рисунок и смету на один чугунный балкон, тем более, что оный должен быть сколько возможно прозрачен, дабы менее отнять свету от подвальных окон, находящихся под балконом, рисунок балкона и смету на сделаніе двух таковых балконов, всего на сумму ассигнаціями 6485 рублей при сем в оную контору честь имею представить на благоусмотреніе.

Архитектор Тюрин.

Из этого рапорта ясно видно, что никаких чугунных порталов во втором этаже вверху боковых порталов Тюрин не делал, а устраивал внизу порталов чугунные балконы, что же касается верхних балконов с крышей на деревянных балясинах, то их при Тюрине и не было, повидимому они гораздо более позднего происхожденія, равно как такой же большой балкон на садовом фасаде и вероятно относятся ко времени царствованія Александра II, так как в журналах конторы за Николаевское время они не упоминаются.

Со времени перехода в дворцовое ведомство дворец никаким крупным переделкам не подвергался. В делах Моск. Арх. М. Д. есть целая папка планов и фасадов Александринскаго дворца и Нескучнаго сада числом 69 листов. Сравнивая фасад дома Орловой,

Hortus Illustrissimi Procopii à Demidof
 Планъ саду Его Преосвященства Прокофья Акинфиевича Демидова

A. Domus Illustr. Procopii à Demidof, Marcianae, prope
 monasterium Donicos situ.
 B. Aedificia praesidiaria, cast.
 C. Clab. et ferro pasc.
 D. Area domus
 E. Gradus in descensu horti, et tabula ferrea juxta
 struct.
 F. Gradationes horti, caespit. manilae.
 G. Viridaria, tepidaria, et hibernacula, et latere struct.
 H. Arborae pomonae.
 I. Areae proplanta in aprico praesentibus.
 K. Piscina in medio alicui situ.
 L. Sepimentum quo horti advallatus est.
 M. Hortus silivus.
 N. Areae arboribus conctae

A. Домъ господской, каменной.
 B. Сарай и конюшня каменная.
 C. Городища съ воротами чугунные.
 D. Дворъ.
 E. Удольныя чугунныя.
 F. Косогоры выкопаны дернъю и
 украшены каменныя.
 G. Плодопитые деревья.
 H. Трава съ растеньями на водопой водухъ растущимъ.
 I. Мешочной и поудъ для птицъ.
 K. Обой домашнейю ласкою дакъ вода не затывала.
 L. Мешочъ рѣна гдѣ весной гоняща въ платкахъ дрова.
 M. Кустыны съ разными кустами.

План Демидовского сада, приложенный к сочинению академика Палласа.

относящийся к 1832 году и современный фасад Александринского дворца, мы не находим в нем существенной разницы. Приделки незначительны и большинство их позднейшего происхождения.

Попытаемся определить отношение этого здания к бывшему Демидовскому дому. Для суждения об этом мы имеем пока только один источник, это план Демидовского сада, приложенный к сочинению академика Палласа в 1781 году. Вверху этого плана, прекрасно награвированного, есть изображение садового фасада Демидовского дома. Разница между ним и существующим фасадом заключается главным образом в другом фронтоне с полукруглым окном, в пристройке каменной террасы с входом и колоннадой, в закладке некоторых окон и в пристройке большой боковой террасы, а также в изменении формы наличников окон. По обе стороны дома выстроены флигеля, которых не было при доме Демидова и снесены каменные надворные постройки по переднему забору по Калужской улице. Что касается до главного фасада, выходящего на Калужскую улицу, то для суждения о состоянии его в прежнее время у нас нет никаких данных. Нет никакого сомнения, что мы имеем здесь дом, выстроенный Демидовым еще в 1756 году, это и есть тот преогромный дом, о котором упоминает академик Паллас, подвергшийся однако капитальному ремонту с изменением орнаментации.

Перестройка была произведена, конечно, не Орловым Чесменским, во владение которого дом перешел только в 1801 году после кончины Павла, когда Алексей Орлов вернулся из заграницы, мы имеем кроме того определенное свидетельство Жихарева от 1806 года, что дом Орлова „старинный“. Перестройка дома была конечно произведена кн. Вяземским, который купил дом Демидова после его смерти в 1786 году.

Мы не знаем, кто был его строителем, но во всяком случае, он не был дюжинным архитектором. Демидов находился в близких отношениях с известными в то время архитекторами Бланком и Баженовым. Вместе с первым он принимал участие в постройке Воспитательного дома. В его письмах мы находим интересные отзывы его об этих архитекторах.

В последние годы своей жизни Демидов далеко не с прежней энергией занимался делами постройки Воспитательного дома и затягивал стройку. Бецкого очень озабочивало это обстоятельство и он в письме к обер-директору Гогелю,¹⁾ 10 марта 1780 г. поручает ему убедить Демидова, чтобы в архитекторы взял Бланка, который выстроил Квадрат²⁾,

---

1) Материалы для истории Моск. Воспит. Дома вып. I стр. 221.

2) Квадрат есть главная часть Воспитательного дома, имеющая на плане фигуру квадрата, Демидов в это время должен был строить корделож, выступающую к набережной часть, где помещается церковь.

„самому Демидову, продолжает Бецкий, выгоднее употребить художника знающего, нежели молодого и неопытного человека, который при таких обширных работах может вовлечь его в бесполезные издержки, заставив его переделывать, что с самого начала будет дурно направлено или худо исполнено; если вы уговорите его взять Бланка, то вам удобно будет наблюдать за постройкой, а впрочем не надоедайте Демидову, будьте к нему по возможности внимательны, и не оглашайте того, что я вам пишу; пусть Демидов и не подозревает, что я вам писал.“ В это же время Демидов пишет к дочери Бецкого Настасье Ивановне Рибас:¹⁾ „ . . . Я без шутки спятился. Поговори с Иваном Ивановичем, дабы на место мое прислан какой архитектор. Здесь архитекторов очень мало; которые есть все у дел. Вот сколько сенат безрассудно учинил, что архитекторскую науку брссил; а государь с каким же прилежанием обучал и заводил. Бывало найдешь, а нынче негде взять. Бланк отолстел, да и одряхлел: найму получает по 5000 руб. в год; Баженов амбициозен; хорош, да черта в нем: целуй, лижи, улаживай, как в бане пар . . .“

С Баженовым бывшие хорошие отношения совсем расстроились из за денежных расчетов,—он не заплатил Демидову по векселю; Демидов пишет по этому поводу зятю: „ . . . Господин Баженов отправился к его

¹⁾ Рус. Арх. 1873 г. стр. 2276.

превосходительству господину Безбородке на меня жаловаться, что я свои деньги требую. Да ему же здесь помогает и градодержатель называет его государственным разумным человеком. Я не нахожу кроме его дураческого ума. Не взирая на законы, на совесть, бранит меня во всех домах, сколько выдумает; и его вексель в призрение¹⁾ отдать я намерен. Оно не худо его превосходительству сказать. Но и Баженова жена вексель в платеж подписала. И что делать? Все наместники боятся господина Баженова, который угроживает государственной милостью и данною ему от Академии Художеств привилегиею. Будто для того дана, чтобы он грабил и обманывал.²⁾“

Из других наиболее интересных зданий, находящихся во владении бывшем гр. Орловой Чесменской, манеж был выстроен несомненно Алексеем Орловым; это здание, как сравнительно новое было отмечено таковым и в оценочной комиссии архитекторов. Каменные постройки в саду,—летний домик с колоннами, стоящий на высоком берегу Москвы-реки и купальный домик с колоннами у пруда были возведены Федором Орловым. Оба эти здания стоят на земле, приобретенной им в 1786 г. от Походяшина. Имя строителя этих сооружений неизвестно. На переднем

---

¹⁾ Суммы, взысканные по векселям, отданным в комитет призрения, шли в пользу Воспитательного дома.

²⁾ Там же стр. 2282.

дворе около дворца стоит каменная гауптвахта работы архитектора Тюриня, выстроенная вместо деревянной, построенной еще в 1826 году, когда во время коронации в доме Орловой, снятом дворцовым ведомством, жил принц Карл Прусский. Деревянная гауптвахта имела вид подобный теперешнему.

Дело о зданиях Александринского дворца и сада, а также и о беседке в Нескучном саду, должно быть основательно пересмотрено со стороны компетентных в истории русской архитектуры лиц и постройка их должна быть отнесена ко времени гораздо более раннему, чем период упадка архитектуры Николаевских времен. Дворец должен считаться одним из немногих образцов хорошо сохранившихся сооружений 18 века.

На воротах главного въезда к Александринскому дворцу находятся скульптурные группы, которые Шамурин приписывает работе скульптора И. П. Витали и относит их к 1846 году на основании дела Оп. 16 № 30054. „О сделании чугунных пик и брусков в решетчатый забор у парадного въезда и на отлитие чугунных тумб для постановления около тротуара в Александринском дворце.“ В этом деле есть рапорт архитектора Тюриня, в котором он говорит следующее: „Вследствие полученного мною предписания оной конторы за № 243 с приложением при оном общей сметы: на вызолочение на парадной лестнице Александринского летнего дворца поручней и

прочих украшений, сделание из обожженной глины фигур, чугунных пик и брусков в решетчатый забор у парадного въезда, и на вылитие чугунных тумб около тротуара дворца суммою сер. в 2297 р. 84 коп. Из коей составлены мной выборка и кондиция на сделание чугунных пик и брусков в решетчатый забор и на отлитие тумб около тротуара, на ассигнованную на сей год сумму 957 р. 84 к. которые при сем на благоусмотрение оной конторы с возвращением обратно упомянутой сметы имею честь представить.“ Какие то фигуры из обожженной глины приняты Шамуриным за группы работы Витали, а сам же он несколькими строками выше говорит, что Витали работал в Москве с 1818 по 1841 год, эти же глиняные фигуры даже повидимому и сделаны то не были вопреки приведенной Шамуриным несуществующей в деле цитаты, а только стояли в смете на 1846 год. Мы имеем другое указание в журналах дворцовой конторы от 16 июня 1833 г. того же Тюрина, коим он доносит:¹⁾ „что по словесному приказанию советника сей конторы барона Боде призваны им были в Александринский летний дворец лепщики для исправления лепной работы снаружи дворца равно и около двух домиков в саду, фигуры на дворце и на воротах, из коих фигуры выкрасить белилами на вареном масле за два раза и т. д. за 450 руб. асс. Из этого можно заключить,

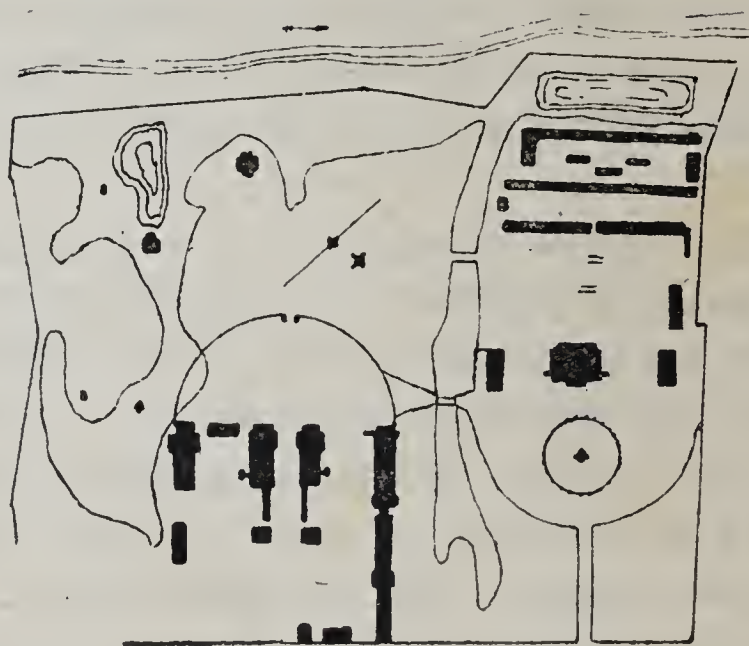
¹⁾ Журналы дворцовой конторы 1833 г. 16 июня

что фигуры на воротах были уже при покупке дома Орловой. Когда и кем они были сделаны, неизвестно. Надо думать, что поставлены они были одновременно с устройством ворот и передней решетки, заменившей прежнюю железную решетку, очень интересного рисунка, типично Елизаветинского времени, бывшую при доме Демидова. Скорее всего это было сделано кн. Вяземским при ремонте дома. А потому конечно эти группы вовсе не работы Витали, а более раннего скульптора. Чегонибудь особенно характерного для Витали, прекрасные работы которого мы имеем в фонтанах на Театральной и Лубянской площадях, эти группы не имеют.

Нужно упомянуть еще о двух прекрасных мраморных фигурах собак, украшающих главный вход во дворец. В журналах дворцовой конторы мы находим следующее донесение:¹⁾
„ . . . что по предписанию оной конторы с.г. мая 5 дня перевезены иностранцем Кампиони в Александринский летний дворец находившиеся у галлерей на Нижнем Пресненском пруде из мрамора две собаки, очищены оные и поставлены на крыльце одного дворца на место чугунных, кои поставлены при входе из сада у оранжерей, за 25 руб. асс.“
Пресненские пруды, устроенные П. С. Валуевым, директором учрежденной при Екатерине по его мысли Кремлевской экспедиции

¹⁾ Журналы дворцовой конторы 1836 г. мая 19.

строений, состояли в ведении московской дворцовой конторы. Любопытный отзыв об этом Валуеве мы находим в записках Вигеля:¹⁾ „ . . . мне случилось только его видеть иногда; знавшие же его лично сказывали мне, что ничего не могло быть гибче его перед силою и упруге перед слабостью. Пусть оно так, наружная сторона Вознесенского монастыря, Синодальная типография и Пресненские пруды останутся всегда славными его

План владения гр. Орловой в 1832 г.

---

¹⁾ Записки Вигеля М. 1892 г. 3 стр. 23.

памятниками“. Гулянье на Пресненских Прудах в начале 19 столетия, в первые годы царствования Александра было очень модным. В архиве М. И. Д. мы не могли найти никаких указаний на происхождение этих мраморных фигур; неизвестно также, куда исчезли бывшие раньше чугунные фигуры.

При рассматривании плана владения графини Орловой в 1832 г. мы можем отчетливо видеть остатки прежнего ботанического сада Демидова; вполне уцелели некоторые из пяти террас, устроенных им, были целы еще два чугунные схода, о которых упоминает Паллас, сохранился прудик на последней террасе, обозначенный на плане Палласа как „менажерей и пруд для птиц“, а также остатки некоторых оранжерей и грунтовых сараев; частью переделанных под людской флигель, временную кухню и погреба. Все это подлежало постепенно переделке и перепланировке при участии архитектора Тюрина и главного садовника Пельцеля. Сломка оставшихся оранжерей и засыпка трех террас и пруда были произведены в 1834 году.¹⁾ Оранжереи были устроены в другом месте. Приведем интересный эпизод, записанный в журналах дворцовой конторы, из которого видно, как строго преследовалось малейшее отступление от начальнических предписаний, даже когда оно делалось в интересах казны.²⁾

---

¹⁾ Арх. М. И. Д. Оп. 32 № 7494.

²⁾ Журналы д. к. 1835 г. лист. 56.

„По поводу уменьшения высоты строящихся оранжерей и грунтового сарая по требованию садовника Пельцеля против утвержденных планов господин президент объявить изволил, что так как работы сии произведены к лучшему удобству строений и с сохранением казенного интереса, то отступления сии от рисунков он утверждает, но как архитектор Тюрин о сих отступлениях от рисунков не донес предварительно на рассмотрение и разрешение конторы в противность постановлений, то сделать ему за сие строгий выговор, причем прочим архитекторам конторы подтвердить, чтобы они впредь никаких изменений против данных им предписаний не делали под опасением взыскания по всей строгости законов.“

Из произведенных ремонтов можно упомянуть еще, что решетчатые ворота под гротесковым мостом, т. е. небольшим сквозным гротом, находящимся за маленьким прудом, где ванное здание, были сделаны по рисунку архитектора Монферрана.¹⁾

С приобретением дома графини Орловой между Александрийским садом и Нескучным не было прямого сообщения, между ними находилось владение кн. Голицына, а потому в 1834 году начались переговоры с князем Голицыным об устройстве ездальной дороги че-

---

1) Там же 2 янв. № 6. В настоящее время эти ворота более не существуют.

рез дачу княгини Голицыной в Нескучный сад и обратно по берегу Москвы-реки. Был составлен довольно грандиозный проект, но он не получил высочайшего одобрения; не было ли тут каких либо трений со стороны княгини Голицыной, которая особенно под конец своей жизни,—а умерла она в возрасте около ста лет, была очень правная старуха, и несмотря на то, что сын ее занимал очень важный пост в Москве, она третировала его как мальчика. Очень интересная характеристика этой княгини приведена в Рассказах бабушки.¹⁾ Как бы то ни было, но „ . . . Государь император высочайше повелеть соизволил . . . провести предполагаемую по первому проекту ездальную дорогу, минуя дачу княгини Голицыной, с одной стороны по улице, а с другой вдоль реки по бичевнику. .“²⁾ Только в 1842 году после смерти старой княгини, была наконец куплена и дача князя Голицына.³⁾ Купчая была заключена 18 дек. 1842 года на имя департамента уделов. „А взял доверитель мой от департамента уделов за тот участок земли с имеющимся на оном строением Государственною Российскою монетою 30000 руб. сер.“ Московская дворцовая контора получила по этому поводу от министра двора следующую бумагу: „По вы-

---

1) Благово, Рассказы бабушки стр. 237-240

2) Журнал д. к. 1835 г. № 5. 2 янв.

3) Арх. М. Д. Оп. 16 № 30039.

сочайшему указу, данному департаменту уделов во 2 день марта текущего года купленный у генерала от кавалерии князя Голицына участок земли в Москве с принадлежностями между Нескучным и Александринским садами пожалован в вечное и потомственное владение ее императорскому величеству государыне императрице Александре Федоровне с тем, чтобы имение сие состояло в заведовании Московской дворцовой конторы:“

После приобретения этого участка и по сношении всех находившихся там строений садовником Пельцелем был разбит английский сад. Таким образом только с 1843 года произошло соединение всех трех участков, из которых составилась современный Нескучный сад. Площадь его составляется из следующих частей: Александринский сад 63678 кв. саж., дача кн. Голицына 26042 кв. саж., Нескучный сад 47893 кв. саж., а всего 137613 кв. саж., что составляет 57 десятин и 813 кв. саж. В настоящее время несколько сократился Нескучный сад, так как кусок от него перешел в полосу отчуждения при постройке Окружной жел. дор.

На этом мы и закончим свое изложение исторического прошлого Нескучного сада и позволим себе по поводу него высказать следующие соображения.

Самым существенным эпизодом в историческом прошлом Александринского дворца и сада представляется несомненно существование на их месте Демидовского ботаническо-

го сада. Этот сад, являвшийся в России первым ботаническим садом, удовлетворившим пытливости человеческого ума, а не служившим чисто утилитарным целям, и со стороны постановки дела заслужившим высокую оценку академика Палласа, одного из ученейших людей своего времени, вполне заслуживает того, чтобы память о нем была восстановлена из мрака забвения. Этот сад, особенно благодаря академическому изданию описания его, сделанному Палласом, положил прочное основание изучению флоры Московской губернии, которое затем, благодаря трудам проф. Стефана, Марциуса, Гольдбаха, Кауфмана, А. Н. Петунникова и Д. П. Сырейщикова, достигло такого совершенства, как ни в одной другой губернии или области России. Было бы делом справедливости в воздаяние заслуг Демидова и Палласа предоставить Нескучный сад на устройство в нем большого ботанического сада, который, не теряя своего значения как места для гуляния и отдохновения, вместе с тем наглядно знакомил бы население с разнообразной флорой России, и служил бы целям науки и просвещения. В здании бывшего Александринского дворца должен бы быть устроен русский гербарий для изучения флоры России, а название Александринский дворец, как ничего не говорящее русскому человеку, заменено названием Демидовский ботанический сад. Следовало бы также почтить память Демидо-

ва и Палласа постановкой им в саду памятников. Этой реставрацией было бы осуществлено пожелание Палласа: чтобы сей сад пребыл вечно в своем совершенстве и красоте в память сего знаменитого любителя ботаники и послужил бы к распространению ботаники в Российской республике.

Президент Академии
7-го 1930 10 К

**THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL**

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK604.3
.N47
A4
1923

40 13
2 50
68 27 4 28

05-10
184

117
3

Н. В. ПОЛЕНОВА. АБРАМЦЕВО. Воспоминания из жизни одной усадьбы. Последние годы С. Т. Аксакова. Кружок С. И. Мамонтова. Изучение крестьянского творчества. Абрамцевская мастерская. Помощь кустарям. Постройка церкви. С многочисленными рисунками.

Склад у издателей **М. и С. САБАШНИКОВЫХ** Москва, Никитский бульвар, 8, кв. 7. Тел. 1-15-54 и в книжном магазине „**НАУЧНАЯ КНИГА**“, Москва, Моховая, 22.

Тел. 2-31-20.